

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

КАК СПРАВЛЯЮТСЯ С СЕМЕЙНЫМИ ПРОБЛЕМАМИ И КРИЗИСАМИ СЕМЬИ ВЕТЕРАНОВ И УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ¹

Ольга Николаевна Безрукова

(o.bezrukova@spbu.ru),

Валентина Алексеевна Самойлова,

Руслан Максимович Филимонов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Филимонов Р.М. (2026) Как справляются с семейными проблемами и кризисами семьи ветеранов и участников специальной военной операции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 92–117. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.4> EDN: CRVAYG

Аннотация. Анализируется влияние участия отцов в специальной военной операции (СВО) на структурно-динамические характеристики семьи, переживаемые семейные проблемы и кризисы, ресурсы адаптации к новой жизненной ситуации, а также на потребности семьи в социальной поддержке. Выборку качественного исследования составили члены 47 семей: 27 молодых мужчин — ветеранов и участников военных действий, имеющих семью и детей; 20 женщин, мужа которых являются участниками СВО; 45 социальных кураторов, сопровождающих семьи отцов-участников СВО в центрах социального обслуживания населения и в центрах социальной помощи семье и детям Санкт-Петербурга. Выявлены трансформации функционирования семейной системы, супружества, отцовства и материнства: позитивные (процессы реадaptации и укрепления), негативные (дестабилизации и распада). На основе критериев степени семейной адаптации, отношения к детям, обладания индивидуальными и семейными ресурсами выделены три группы отцов — «успешно адаптирующиеся», «неопределенные», «деадаптированные». Описаны синдромы «потерянного отца» (агрессивность, девиантные практики) и «отчуждения» (безразличие к близким, замкнутость). Систематизированы проблемы и потребности всех членов семьи в поддержке. Проанализированы кризисы на разных уровнях функционирования семейной системы: супружеских отношений, родительско-детских отношений, отношений семьи с обществом, а также личностные кризисы отцов, матерей и детей. Показано, что преодоление кризисов связано с ресурсами семьи, адаптивностью, распределением власти и ответственности в семье, потенциалом жизнестойкости. Более успешны в пре-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

одолении кризисов ресурсные партнерские семьи с взаимозаменяемыми ролями, проблемно-ориентированными копинг-стратегиями, зрелой личностной позицией и жизнестойкими моделями поведения жен. Менее успешны ресурсные семьи традиционного типа, ответственность в которых за материальное обеспечение, организацию жизни семьи лежит на отце, с экономически зависимым положением женщины, отсутствием у нее работы, образования, профессиональной квалификации, преобладанием эмоционально-ориентированных и защитных стратегий совладания с трудностями. Неуспешны низкоресурсные семьи с дефицитами материальной обеспеченности, личностной зрелости родителей, социальной компетентности, семейной сплоченности.

Ключевые слова: специальная военная операция (СВО), социальная поддержка, участники СВО, семейный кризис, отцы, дети ветеранов и участников СВО, жены ветеранов и участников СВО, семьи военнослужащих, отцовство.

Введение

Начало проведения Вооруженными силами Российской Федерации специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 г. и последующая частичная мобилизация граждан РФ 21 сентября 2022 г. актуализировали проблематику социальной поддержки новой численно значимой категории населения — участников СВО и их семей. По официальным данным, в рамках мобилизационных мероприятий было призвано свыше 300 тыс. человек, при этом более половины из них (57 %) состояли в браке и имели детей (56,3 %) (Минобороны РФ, 2023). Данный факт обуславливает необходимость разработки и реализации комплексных мер социальной поддержки, адресованных как самим отцам, чье участие в СВО сопряжено с длительной разлукой и специфическими психосоциальными последствиями, так и их близким.

Социальная поддержка участников военных действий и их семей понимается нами как система комплексных мер (правовых, экономических, информационных, психологических и др.), способствующих удовлетворению их потребностей и решению актуальных насущных проблем. Система поддержки как участников военных действий (находящихся в зоне боевых действий, мобилизованных, ветеранов и инвалидов), так и их семей, а также семей пропавших без вести и погибших в настоящее время оформилась в разветвленную инфраструктуру поддержки на федеральном и региональном уровнях. Вместе с тем требуются новые подходы к реабилитации участников военных действий, способствующие восстановлению семейных связей, усилению потенциала отцовства и конструированию нового сценария мирной жизни мужчин, что актуализирует изучение специфики детско-родительских и супружеских проблем в их семьях.

Цель статьи состоит в анализе влияния участия отцов в специальной военной операции на структурно-динамические характеристики семьи и ресурсы ее адаптации к новой жизненной ситуации. Задачи исследования включают выявление ключевых проблем во взаимодействии отцов с супругами и детьми, специфики переживаемых всеми членами семьи кризисов, характеристик отцов, жен и детей, сформировавшихся под воздействием особенностей переживаемой ими жизненной ситуации, потребностей всех членов семьи в получении социальной поддержки.

Методология и методы исследования

В исследовании мы основываемся на понимании трансформации отцовства — от традиционного к новому — активному и заботливому, присущему новому поколению молодых отцов, стремящихся к большей вовлеченности, открытости новому опыту, ответственности за детей (Pleck 1997; Lamb 2000, Fagan, Palkovitz 2007; Doucet 2020; Безрукова, Самойлова 2023, 2024; Малышев 2022; Рождественская 2020; Шевченко 2015). Учитываем специфику изменений в отцовской роли мужчин-военнослужащих как результат воздействия внесемейных, общественно-политических факторов и специфических, вызванных участием отца в военных действиях семейных кризисов (Hill 1949). Полагаем, что мужчины, имеющие опыт военных действий, переживают переломный этап, который ведет к глубинным внутренним изменениям, включая процесс переосмысления своей жизни, социальной идентичности, переоценку жизненных ценностей, своего взаимодействия с супругой, ближайшим окружением, обществом. Процессы проблематизации и рефлексии имеют важное значение для вовлечения в отцовство — осознания новых смыслов отцовства, своей роли, формирования привязанности к ребенку, ответственности за его благополучие и развитие (Безрукова, Самойлова 2022: 118).

В работах отечественных и зарубежных авторов рассматриваются вопросы влияния отсутствия отца-военнослужащего на семейную структуру, динамику и благополучие детей, проблемы семейной реинтеграции ветеранов, последствий травматического опыта для самого ветерана и семейных отношений, значения систем поддержки. Р.Л. Хилл, одним из первых детально изучавший воздействие войны на семейную динамику, основным вызовом считал разлуку и уход отца, а успешность преодоления данного кризиса ставил в зависимость от ресурсов семьи, четкости ролей, адаптивности и типа семейной организации (Hill 1949). Призыв и отправка на службу вызывают у членов семьи сильное эмоциональное напряжение, вызванное постоянной угрозой для жизни отца, неопределенностью

сроков возвращения. Последствия мобилизации мужа проявляются в дезориентации при возникновении финансовых, организационных и бытовых трудностей, в перегрузке обязанностями женщины, оставшейся единственным родителем (Walsh et al. 2014; Герасимова, Курикалова 2023; Горина 2024; Матвеева 2025).

Вследствие длительного отсутствия отец утрачивает функции главы семьи, наставника и дисциплинатора, разрушаются физические, эмоциональные и социальные связи с детьми. По возвращении отцы-солдаты испытывают чувство вины за упущенное время, что усиливает генерационный разрыв и отчуждение, сожалеют о пропуске важных этапов развития детей, которые за время их отсутствия менялись физически и когнитивно (Зояя 2013; Walsh et al. 2014). Разлука, тревога за жизнь отца, снижение качества отцовства из-за травм или недостатка времени вызывают эмоциональные нарушения у детей, усугубленное занятостью матери отсутствие отца лишает детей нормального социального становления и контроля, ведет к дестабилизации семей и росту девиантного поведения в молодежной среде (Paley et al. 2013; Walsh et al. 2014).

Процесс воссоединения, по мнению Р.Л. Хилла, также может переживаться как семейный кризис и «быть не всегда радостным» из-за трудностей возвращения отца к прежней дисциплинирующей роли и принятия отца детьми, необходимости реорганизации семейных ролей, ролевых конфликтов вследствие возросшей самостоятельности жены и проблем адаптации мужчин к гражданской жизни (Hill 1949: 85; Матвеева 2025). Дети в зависимости от возраста и предшествующей привязанности могут воспринимать вернувшегося родителя как незнакомца (младшие дети) или демонстрировать холодность, игнорирование и отчуждение (старшие дети), переживая амбивалентные эмоции (Danish, Antonides 2013).

Значительное влияние на ветеранов и их семьи оказывают психологические последствия боевого опыта, особенно при наличии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Как отмечают исследователи, стресс часто усиливался именно после возвращения из-за трудностей адаптации. Поведенческие стратегии, усвоенные на войне (потребность в контроле, агрессивность), оказывались неадекватными в мирной жизни, вызывая непонимание и отчуждение, приводили к спорам о перераспределении ролей, воспитании детей, так как «домашний» родитель мог сопротивляться отказу от обретенной независимости, что приводило к «борьбе» за власть. Увеличение симптомов ПТСР коррелировало с менее позитивным воспитанием и непоследовательной дисциплиной (Danish, Antonides 2013; Creech, Misca 2017). Симптомы ПТСР ухудшают эмоцио-

нальный климат в семье, наблюдается дистанцирование в воспитании детей или даже отказ от родительских обязанностей, в семьях ветеранов высок риск разводов (Пермогорская, Падун 2011).

Избыточная строгость и завышенные требования со стороны травмированного родителя могут формировать у детей протестное, тревожное поведение, родители проецируют на детей собственные недостатки и страхи, эмоциональные реакции (гнев, осуждение), паттерны поведения родителей бессознательно переносятся на детей, таким образом, происходит трансгенерационная передача травмы. Исследователи акцентируют внимание на феномене «индукции ПТСР» членам семьи, что приводит к хроническому семейному стрессу, закреплению негативных моделей взаимодействия, ухудшению семейного климата и психического здоровья всех членов семьи (Зуйкова, Погодина, Потемина 2013; Elnitsky, Kilmer 2017).

Вместе с тем именно семье принадлежит критически важная роль в процессах перехода участников боевых действий к мирной жизни. Моральная поддержка военнослужащего со стороны семьи способствует предотвращению внутреннего конфликта между личной и профессиональной сферами, повышая самооценку и уверенность в своих силах (Гудкова 2020). Возвращение к роли мужа и отца, особенно после рождения ребенка, способствует переоценке приоритетов, активизирует потребности развития родительских компетенций (включая проявление заботы и тепла), навыков саморегуляции. В исследованиях отмечается высокая мотивация отцов учиться быть лучшими родителями и их готовность восстанавливать связи с детьми, а также польза от общения с другими отцами с похожим опытом (Walsh et al. 2014; Suarez, Baines 2021). В свою очередь, успешность в совершенствовании родительства зависит от институциональной поддержки, наличия достаточного количества программ реабилитации и адаптации к мирной жизни, преодоления последствий боевого стресса и ПТСР, учета актуальных проблем и потребностей ветеранов, внедрения принципов комплексного социального сопровождения семей участников специальной военной операции (Зуйкова и др. 2013; Склялко 2020; Караяни 2024; Безрукова, Филимонов 2025; Dodge et al. 2025).

Таким образом, анализ зарубежных и отечественных исследований показывает, что участие отцов в боевых действиях оказывает глубокое и многоаспектное, преимущественно негативное воздействие на их семейные отношения.

Большинство исследований в отечественной науке концентрируются на медико-психологической реабилитации (борьба с ПТСР, депрессией),

вопросах социальной адаптации (профессиональная, экономическая реинтеграция), общих психологических аспектах боевого стресса, и сохраняется выраженный пробел в исследованиях, посвященных семейным и детско-родительским отношениям мужчин — участников боевых действий, особенно в контексте их отцовской и супружеской роли по возвращении из зоны боевых действий. Последствия боевого опыта для семейной системы в целом (ее динамики, структуры, перераспределения ролей, специфические потребности мужчин именно как отцов и мужей, вернувшихся с войны, а также проблемы и потребности их жен и детей) остаются недостаточно изученными.

Эмпирическая основа статьи — материалы интервью и фокус-групп, проведенных в 2024–2025 гг. в Санкт-Петербурге. Выборку качественного исследования составили члены 47 семей: 27 молодых мужчин — участников военных действий от 25 до 43 лет, имеющих семью и детей (один ребенок — у 14 отцов, двое — у восьми, трое детей — у пятерых), демобилизованы 22 человека, пять отцов являются действующими участниками СВО (двое находятся на лечении, трое — в кратковременном отпуске). Опрошены и 20 женщин, мужья которых являются участниками СВО, из них 19 являются женами действующих участников СВО, у одной муж пропал без вести; у пяти женщин один ребенок, у 13 — двое, у двух — трое детей.

Проведены четыре фокус-группы с 45 социальными кураторами, сопровождающими семьи отцов — участников СВО в центрах социального обслуживания населения и в центрах социальной помощи семье и детям Санкт-Петербурга. Критерии отбора отцов: возраст до 45 лет, является действующим участником или ветераном СВО, состоит в браке (в том числе незарегистрированном), имеет общих с супругой кровных несовершеннолетних детей, российское гражданство. Критерии отбора матерей для фокус-групп из семей мужчин — участников СВО: возраст до 40 лет, супруг является действующим участником или участвовал в СВО, возраст супруга до 45 лет, состоит в браке (в том числе незарегистрированном), имеет общих с супругом кровных несовершеннолетних детей, российское гражданство. Критерии отбора специалистов: опыт работы с семьями (от пяти лет), российское гражданство. Методы исследования — глубинное интервью, продолжительность от 1 до 2,5 часов, фокус-группа — 2,5–3 часа.

Стратегия анализа данных включала транскрибирование интервью и фокус-групп, затем все тексты анализировались с помощью качественного кодирования информации, классификации и типологизации, аналитической интерпретации полученных данных.

Проблемы и потребности в поддержке отцов — ветеранов и участников специальной военной операции

Специфика трансформации психологического состояния мужчин и членов их семей, отношений с супругой и детьми, изменений семейной системы в целом проявляется в нескольких измерениях и характеристиках. Деадаптивное психологическое состояние характерно практически для всех участников боевых действий, переживших сильный стресс, эмоциональные потрясения, эпизоды гибели боевых товарищей. Многие отмечали у себя или своих сослуживцев негативные состояния, проявляющиеся как в повышенной раздражительности, агрессивности, неконтролируемых проявлениях гнева, так и в апатии, потере интереса к жизни. Изменяется восприятие повседневных проблем, они оцениваются как незначимые, несущественные: «Обычные житейские проблемы — пустяк» (м.)¹, обостряются тревожность, страхи, мучают сновидения, возвращающие к военным действиям, наблюдаются проблемы со сном. Многие информанты признавали наличие посттравматического синдрома у сослуживцев, отрицая при этом его проявления у себя, или использовали формулировки, смягчающие категоричные оценки своего состояния — «профдеформация», «нервозность», «у меня тревога и панические атаки».

Об изменениях в поведении упоминали как сами военнослужащие, так и их жены, а также социальные кураторы, отмечая проявления высокого уровня стресса, депрессии:

...стал менее эмоциональным, взгляд опустел (ж.).

...ощущение безысходности и невозможности распорядиться своей жизнью (м.).

...стал холоднее... агрессия... употребляю успокоительные до сих пор (м.).

...стал жестче. Там вся жизнь — стресс (м.).

Они действительно очень потеряны, не могут объяснить, что им требуется, не знают, какие пособия и куда им обращаться (с.).

Мужчинам нужно время, чтобы вернуться к мирной жизни, осознав, что произошло, и принять новую реальность. Они скорбят по погибшим товарищам, тоскуют по утраченным отношениям и не принимают реалии мирной жизни, «вне поля боя», иногда переживают обиду на государство или командование, особенно в ситуациях трудностей получения положенных выплат и льгот, дефицита общественного признания и поддержки.

¹ Здесь и далее м. (мужчина), ж. (женщина), с. (специалист).

Для них характерны переживания как боли потерь, так и чувства вины перед своими близкими, семьей за долгое отсутствие.

Многим из участников СВО трудно возвратиться к прежней семейной роли, которая была для них привычной, а стала новой:

Когда уходят на СВО, теряется связь с семьей, он откалывается (с.).

Семья учится жить самостоятельно. Становится два ядра. Он самостоятельно, а тут жена с детьми. Он приезжает в отпуск, начинаются уже трудности, потому что они не знают, как взаимодействовать между собой (с.).

Есть те, кто разводится — там им было всё понятно, а сюда возвращаются, и им непонятно, что с этим делать (с.).

Материалы исследования свидетельствуют о трансформации отцовской роли и отцовских качеств у ветеранов и участников специальной военной операции, которая проявляется как в позитивных, так и в негативных характеристиках. В числе позитивных изменений специалисты социальных служб отмечают у участников СВО большую ответственность, вовлеченность, проявления любви и заботы, желание обзавестись новыми детьми, замечают переоценку семейных ценностей в сторону возрастания значимости семьи и детей:

Они говорят, что их ценностные ориентиры изменились. Один сказал: «Я себе не представлял, насколько я люблю свою жену и детей» (с.).

Трое заявили, что участие в СВО подтолкнуло желание родить детей (с.).

Мама недавно сказала, что благодарна СВО за то, что до этого всего папа ни разу не говорил дочери: «Я тебя люблю». Теперь каждый телефонный разговор он это говорит дочери (с.).

Мнения самих отцов и их жен также подтверждают произошедшие изменения:

- переосмысление собственной жизни и целей, обретение личностной зрелости: *Окреп, серьезным стал, принял отцовство; стал более ответственным (м.); СВО показало, что мне никто не нужен, кроме семьи (м.);*
- укрепление супружеских отношений: *Чувства даже усилились, стал увереннее в супруге, в самый трудный момент мы пытаемся сохранить наши отношения. Мы один единый организм (м.); Стал больше ценить семью. Еще больше любить (ж.);*

- появление осознанности в чувствах к детям: *Связь укрепилась определенно, он любит детей, дети любят его (ж.); Ситуация с дочерью, обострившаяся во время службы, заставила меня стать более активным отцом (м.); Связь у них только укрепилась, из-за чувства вины особенно (ж.).*

Находясь в трудных ситуациях военных действий, далеко от семьи, воины демонстрируют типичные нормативные практики отцовства, проявляющиеся в устойчивых социокультурных архетипах отцовства (защитник, кормилец, наставник, персонификатор власти, дисциплинатор, пример для подражания):

- стараются «быть всегда рядом», поддерживал/поддерживают связь с женами и детьми на расстоянии, стремятся защитить: *Звоню, записываю видео, стараюсь подбодрить, поднять настроение, успокоить, говорю, что всегда помогу (м.);*
- стремятся сохранять роль главы и руководителя семьи: *Находясь там, они осуществляют этот контроль. Звонят, интересуются, даже решают иногда бытовые вопросы. Они всё равно осуществляют отцовскую роль (с.);*
- проявляют эмоциональную отзывчивость и поддержку, находясь дома в коротких отпусках: *Когда я был дома, то пытался больше времени проводить с дочкой, несмотря на занятость. Появлялась свободная минутка, возможность — сразу к ней (м.); Поцеловать ее раз 50 за день, обнять, приобнять. Это твое (м.);*
- берегут подарки своих детей, дарят подарки детям, чтобы надолго оставаться в их памяти: *У меня уточка есть дочки, игрушка — ассоциация с ребенком, талисман. Она возвращает меня домой (м.); «Он всегда сильно любил детей, так и любит. Дети его ждут, старший сын помнит совместные моменты: «Мам, мы тут с папой были» (ж.);*
- обеспечивают детей и семьи: *У них все есть, перевозжу деньги регулярно (м.);*
- стремятся восполнить пробелы воспитания и отстраненности от общения с детьми в мирное время *Гиперопекают, всё дают детям. Может, из-за того, что что-то не додали. В отпуске хотят многое купить детям, что-то дать (с.).*

Но есть и негативные изменения, связанные с длительным отсутствием мужчин в семье: дети рождаются в их отсутствие, отцы пропускают важные этапы взросления своего ребенка, ослабляют эмоциональные связи, происходит отчуждение младших детей, воспринимающих отца после его возвращения как «чужого»: *Дочь перестала слушать отца, воспринимать его, как папу (ж.); Утрата доверия и близости с ребенком (м.); Сын обижается, эмоционально страдает, привыкает жить с одной мамой (м.).*

Проявляется синдром отчуждения, характеризующийся безразличием к окружающим людям, замкнутостью, сосредоточенностью на своих переживаниях, сопровождающейся употреблением алкоголя: *Сильно пьют, даже с детьми (с.); Психологические проблемы у мужчин, алкоголь и наркотики, подозрения в измене, обострение старых проблем (с.).*

Возвращающимся к мирной жизни военнослужащим требуется время и усилия для налаживания контакта с детьми, создания доверия в отношениях и поддержания отцовского авторитета. Возвращение к роли отца может быть успешным, особенно если мужчина проявлял себя вовлеченным отцом до участия в военных действиях. Вместе с тем наблюдается синдром «потерянного отца», проявляющийся:

- в агрессивности, девиантных практиках (насилие, жестокость, пренебрежение нуждами детей): *До того как ушел, он плохо относился к сыну, строго его воспитывал, что мужчина не должен плакать. И у ребенка был энурез. Пока отца не было дома, мальчик восстановился, у ребенка все прекратилось. С ним работал психолог. А когда вернулся, то он стал еще строже, более агрессивным, у ребенка снова всё началось (ж.);*
- усилении контроля (жесткость, чрезмерная строгость, авторитарные методы воспитания): *Были случаи, когда они применяли армейские привычки при воспитании. Если ты с первого раза не понял, значит, это «залёт, парнишка», а парнишке всего 7 лет (с.);*
- отстраненности (стремлении уклониться от воспитания детей): *Просто бежит из дома, не хочет быть с детьми (ж.).*

Отцы с синдромом «потерянного отца» нуждаются в специализированной психологической поддержке.

Наблюдаются сложности и с восстановлением супружеских отношений после долгого отсутствия. Мужчины переживают страхи возвращения к роли мужа и отца, озабочены мыслями о неспособности состояться в отцовской роли, беспокоятся о непонимании своего состояния близкими, не хотят испугать своими действиями детей: *У меня нетерпеливость, эмоциональная неустойчивость под влиянием стресса службы, жена ребенка забирает и уходит в соседнюю комнату (м.); Жена с детьми ушла, требует развода (м.).*

Полученные результаты позволили выделить группы отцов — ветеранов военных действий с разной степенью семейной адаптации, необходимостью которой вызвана их длительным отсутствием, психологическими последствиями их участия в военных действиях, возникшими семейными проблемами и кризисами в отношениях: «успешно адаптирующиеся», «неопределенные», «дезадаптированные». Критерии выделения: 1) психологическая готовность к адаптации — высокая/низкая (позитивный на-

строй, конструктивные копинг-стратегии, жизнестойкость, вера в себя); 2) отношение к детям и заботе о них, в том числе степень вовлеченности в воспитание; 3) индивидуальные и семейные ресурсы (состояние здоровья, семейный доход, обеспеченность жильем, наличие социальной поддержки, характер гендерных установок отца — эгалитарных или традиционных, трудовая занятость).

Успешно адаптирующиеся отличаются высоким уровнем готовности справиться с трудностями, конструктивными, проблемно-ориентированными копинг-стратегиями, активностью и заботой о детях до, во время и после участия в военных действиях (взаимодействуют с детьми по видеосвязи, интересуются воспитанием, учебой, направляют и поддерживают детей и жен); являлись лидерами семьи до участия в военных действиях, остаются ими по возвращении к мирной жизни; быстро «встраиваются в мирную жизнь», находят работу или возвращаются к прежней, участвуют в социальных программах для ветеранов военных действий.

Неопределенные с трудом адаптируются к мирной жизни, чувствуют себя «потерянными», «отключаются от жизни» (много спят, «уходят в воспоминания»), проявляют агрессивные или депрессивные реакции, нуждаются в психологической помощи (обретении себя, преодолении тревожно-депрессивного синдрома, налаживании контактов с детьми и женами, восстановлении социальных связей и др.) Вместе с тем стремятся пройти программы реабилитации, находят работу, оформляют ветеранские выплаты, пособия, компенсации за ранения, стараются включиться в заботу о детях, участвуют в социальных программах для семей участников СВО.

Деадаптированные не могут адаптироваться к мирной жизни после возвращения с фронта, не справляются с пережитым стрессом, чувствуют себя потерянными, ненужными, теряют смысл жизни, проявляют агрессию, обвиняют, устраивают драки, «разбивают дом, квартиру»; злоупотребляют алкоголем, наркотиками; не могут взаимодействовать и избегают близких контактов с женами и детьми, отвыкают от семейного образа жизни, стремятся к автономии. Другой вариант дезадаптации — «милитаризация сознания» — сосредоточенность исключительно на военных действиях в ущерб интересам семьи и детей, не проявляют интереса к детям, не замечают их переживаний. Стремятся возвратиться в зону военных действий, не видят себя в мирной жизни, разрывают социальные связи, чувствуют себя обиженными на государство, работников социальных служб, других специалистов. Испытывают проблемы с устройством на работу, нуждаются в комплексном лечении и реабилитации, трудоустройстве.

Анализ потребностей отцов — участников СВО и их семей показал особую актуальность в социальной и психологической поддержке:

- доступной и квалифицированной психологической (психотерапевтической) помощи (работа с ПТСР, тревогой, депрессией, агрессией);
- обучении навыкам совладания со стрессом и эмоциональной саморегуляции;
- кризисном консультировании и поддержке в острых ситуациях;
- семейном консультировании — помощи в восстановлении супружеских отношений, преодолении конфликтов, адаптации к изменениям семейных ролей;
- восстановлении связи с детьми, если она была нарушена во время отсутствия отца;
- организации досуга и отдыха, в том числе вместе с семьей;
- группах поддержки для ветеранов и их семей — обмен опытом, снижение чувства изоляции;
- признании их заслуг, уважении и благодарности со стороны семьи, общества и государства;
- социальной реадaptации и реинтеграции в мирную жизнь (помощь в восстановлении социальных связей, трудоустройстве, поиске своего места в обществе);
- дестигматизации их и семей (преодоление негативного или равнодушного отношения окружения, формирование позитивного общественного мнения).

В целом, все отцы — ветераны и участники специальной военной операции нуждаются в общественной поддержке, подтверждении своей значимости как отца и защитника, в уважении семьи, признании обществом.

Проблемы и потребности жен участников специальной военной операции

Изменения семейной ситуации, с которыми столкнулись жены участников специальной военной операции, актуализируют проявления у них адаптационного синдрома, необходимость приспособления, перестройки привычного образа жизни. Характер и интенсивность их реакций различаются, но большинство женщин эмоционально переживают отсутствие мужа из-за его участия в военном конфликте. Некоторые, узнав о мобилизации, испытали настоящий шок: «У меня есть семья, где супруга, когда мужа забрали, рыдала и говорила, что они никогда не расставались. И для нее это была полная трагедия, что он ушел» (с.). Но и по прошествии времени эмоциональное напряжение остается высоким: «Жена переносила разлуку тяжело» (м.); «Поддерживает словами, сообщениями, но сама переживает» (м.). Постоянная тревога за здоровье и жизнь мужа изматывает, а в случае, если связь с ним прерывается, отсутствует информация

о том, жив ли он, интенсивность переживаний резко возрастает, неопределенность и страх за мужа еще больше истощают эмоциональные ресурсы женщины, ведут к дистрессу. Категория жен пропавших без вести особенно сложная:

Жены пропавших без вести — это испытание. У меня была на консультации женщина — она ездит в Курск, Донецк, везет гуманитарную помощь сама после того, как пришло извещение о том, что он пропал. Это тяжело, они не могут смириться (с.).

Причина острых переживаний жен пропавших без вести участников военных действий — это и страх за будущее своей семьи:

Были у нас и пропавшие без вести. Мамочку интересует сейчас только материальный вопрос, так как она осталась одна с двумя детьми (с.).

Ответственность матерей за детей требует мобилизации личностных ресурсов, вся нагрузка по организации быта, заботе о детях, решению финансовых и организационных вопросов ложится на плечи женщин.

Жены участников СВО приняли на себя обязанности отцов, то есть полностью семья жила под его руководством, а когда он ушел, ей пришлось взять на себя его обязанности» (с.).

Ради интересов детей матери стараются справляться, поддерживать тот уровень, который был у их семьи:

Подключают и детей, и родителей бойца, если семья поддерживают хорошие, родственные отношения. Стараются не падать духом, поддерживать друг друга. Безусловно, центр семейного внимания — дети, их потребности, чтобы не нуждались ни в чем, не было ущемления, чтобы жизнь была наполнена, чтобы не было пустоты. По моим ощущениям, такие жены преваляют, которые ждут (с.).

Вместе с тем семьи традиционного типа, в которых женщины часто финансово и психологически зависят от мужа, а мужчины — лидеры, несущие основную ответственность за материальное благополучие, принятие решений, организацию жизни семьи, хуже справляются с трудностями:

Недавно решали вопрос с сушильной машиной, нужно было починить. А сушильная машина стояла на стиральной и нужно было просто снять сушильную со стиральной. И наши сотрудники сделали, помогли, женщина сильно благодарила. Они звонят по таким мелочам, например пристроить собачку. Думаешь: «А ты сама не можешь решить?», а потом понимаешь, что да, не может (с.).

Более успешный вариант адаптации в семьях партнерского типа, обладающих психологическими ресурсами устойчивости, зрелой личностной позицией супругов, взаимозаменяемостью ролей. Для некоторых женщин испытание их жизнестойкости проходит более успешно, ситуация, в которой они оказались, сделала их сильнее, «они редко спекулируют на этой теме, что вот, я одна как-то осталась», напротив, находят в себе ресурсы: «Многие женщины получили права, до этого не умели, кто-то сменил работу, детей сами воспитывают. Ну, очень сложно, конечно, когда нет бабушек и дедушек» (с.). Жизнестойкие реакции характерны в полной мере для жен офицеров «мы сами всё сделаем, сами поможем (друг другу и мужьям)» (ж.).

Но большие и долго длящиеся повседневные нагрузки, даже если получается с ними справляться, приводят к накоплению усталости и выгоранию:

На мне дом, дети, моя работа, плюс постоянный сбор гуманитарки и выяснение его статуса и зарплаты. Иногда кажется, что я просто разорвусь» (ж.).

У жены усталость от роли одной за всех (м.).

Есть и те, кто не справляется, особенно молодые мамы:

Те, кто только родил, у них развивается послеродовая депрессия, им нужен психолог, но они не подпускают. Лишь потом, со временем адаптируются. Многие просят, чтобы вернули мужей (с.).

Еще менее успешны низкоресурсные семьи — с дефицитами материальной обеспеченности, личностной зрелости родителей, социальной компетентности, семейной сплоченности. Дезадаптивный вариант приспособления женщин — употребление алкоголя, отвлечение от проблем в расслабляющем времяпрепровождении, общении с друзьями со сходными интересами. Помощь в восстановлении этих матерей в родительской роли — непростая и не всегда благодарная задача, но, как и другие женщины, мужья которых участвуют в СВО, они имеют право рассчитывать на поддержку со стороны государства.

Необходимость справляться с трудностями в отсутствие мужей, «быть за всё ответственными» порождают перегрузку, и ожидается, что их возвращение домой нормализует ситуацию. Но пережитый участником СВО травматический опыт отражается на личности, меняет поведение, и «когда мужчины возвращаются домой, супруги не знают, что с ними делать» (с.). В семью возвращается отец, который нуждается в поддержке, чтобы адаптироваться к мирной жизни, а если он был ранен, то и в заботе о его физическом здоровье. Период адаптации отца — трудный как

для него самого, так и для близких ему людей, в первую очередь жены. Ее поддержка является по сути буфером, смягчающим стресс возвращения для мужа, но для этого она должна знать об особенностях его состояния, проявлять терпение и чуткость. Если знаний недостаточно, а потенциал стресса высок у обеих сторон, повышается вероятность конфликтов:

Мы должны сейчас уметь их принять и реагировать на это, ибо, если мы не сможем это сделать, то это негативно повлияет на всё общество. Они изменились, нужно относиться к этому нормально и знать, как к этому относиться, чтобы узнать, нужно прийти к психологу, либо их нужно как-то информировать. Но этого нет, нужно в этом направлении работать, потому что они будут сейчас возвращаться в семью, на работу, в социум (с.).

Какой бы сложной ни была ситуация, есть надежда, что она изменится к лучшему: муж вернется домой, жизнь нормализуется. Женщины, потерявшие мужей, теряют и эту надежду, острота их проблем наиболее высокая, прежде всего это переживание острого горя. Работа с этими женщинами наиболее трудная для специалистов:

Нам сложновато, если речь идет о работе с утратой. У нас есть семьи, где погибли папы. К сожалению, нам не хватает психологических каких-то своих методов. Специалисты не знают, как работать с этими людьми (с.).

Обобщая, систематизируем проблемы функционирования семьи с позиции женщин:

- эмоциональная и физическая перегрузка, состояние хронического стресса;
- взятие на себя всей полноты ответственности за детей, быт, решение финансовых и организационных вопросов, длительное эмоциональное напряжение и, как следствие, усталость, чувство одиночества, острый стресс при утратах;
- финансовые трудности — несмотря на выплаты участникам СВО, многие семьи сталкивались с финансовыми проблемами — задержки или неполные выплаты, снижение общего дохода семьи, расходы на лечение и реабилитацию, необходимость самостоятельного обеспечения снаряжением на фронте, сохранение ипотечных и кредитных обязательств;
- отсутствие информации о пропавшем без вести муже, трудности с преодолением информационных барьеров;
- рост конфликтности в семье из-за стресса, усталости, финансовых трудностей, изменений личности вернувшегося участника СВО.

Соответственно спектр потребностей женщин, мужа которых являются действующими участниками или ветеранами СВО, достаточно широкий. Это потребности:

- в помощи по уходу за детьми, особенно для жен, оставшихся с маленькими детьми или детьми с ограниченными возможностями здоровья, в многодетных семьях или при отсутствии других родственников;
- организации быта, решении бытовых вопросов — мелкий ремонт, выполнение «мужской» работы по дому, транспортные услуги;
- финансовой стабильности, своевременном получении выплат мужа, доступе к льготам, иногда в базовой материальной помощи (продукты);
- правовой поддержке — консультации по вопросам статуса мужа, льгот, а также по семейно-правовым вопросам (развод, алименты);
- содействию в решении бюрократических вопросов — помощь в оформлении документов, навигация по инстанциям;
- информационной поддержке, получении полной информации о статусе мужа, особенно в случае ранения, лечения, пропажи без вести; о льготах и выплатах — куда обращаться, какие документы нужны; о ресурсах поддержки — куда можно обратиться за психологической, юридической, бытовой помощью;
- эмоциональной и психологической поддержке в переживании разлуки, неопределенности, страха за мужа, в кризисной психологической помощи в случаях гибели или пропажи без вести мужа;
- помощи в адаптации к изменениям мужа, консультациях по взаимодействию с партнером, пережившим боевую травму, с проявлениями ПТСР, агрессии, отстраненности;
- социальной интеграции и досуге, возможности участия в общественных мероприятиях, группах взаимопомощи, культурных мероприятиях для себя и детей, чтобы снять напряжение.

Проблемы и потребности детей ветеранов и участников специальной военной операции

Участие отца в специальной военной операции стало испытанием и для их детей. Данные о высоком уровне нервно-психического напряжения, проявляющегося в сильном дискомфорте, тревоге, страхах, нарушениях сна, резких колебаниях настроения, плаксивости (Хабибулин и др. 2025), нашли подтверждение и в нашем исследовании.

Сын может сесть и где-то реветь (м.).

Младший сначала остро реагировал, тревожность, плач по ночам «папа-папа» (ж.).

Не все дети адекватно реагируют на отсутствие отцов, они замкнуты по прошествии двух лет, испытывают сильное переживание и часто обращаются за психологической помощью (с.).

На фоне стресса обостряется невротическая симптоматика: *У старшей были проблемы с энурезом после его ухода (ж.); Если дочь знает, что папа на передовой, то у нее начинается булимия (ж.).* Развиваются заболевания: *сахарный диабет поставили (ж.).*

Состояние ребенка зависит от возраста, текущей ситуации, отношений с отцом.

Если у ребенка родители в разводе, а у отца уже другая семья, то таким детям безразлична судьба отца. Отец в другой семье (с.).

Дети младшего возраста скучают по отцу, но постепенно привыкают к его отсутствию:

Ребенок до пубертата — он забывает, что есть папа. Когда отец находится там, и нет плохих сообщений, то всё в порядке. (с.).

Однако, если отец перестает выходить на связь, то вслед за мамой, паниковать начинает и ребенок:

Отец не отвечает 2 недели, то у всех паника. Отец погиб — это другая ситуация, наиболее тяжелая (с.).

Есть и те (чаще подростки), кто не смог адаптироваться к уходу отца на СВО.

Девочка-подросток в депрессивном состоянии, она нуждается в медикаментах и поддержке, это началось с того момента, как отец оказался на СВО. Притом девочка никогда не тянулась к папе, а как он ушел, пошла большая тревога (с.).

Наиболее острые реакции, проявившиеся при болезненном переживании разлуки, — суицидальные намерения:

Девочка-подросток, папа ушел на СВО, есть еще дети от другого брака. И девочка была морально нестабильная, и она с другой девочкой договорилась о совместном суициде. Не совершили, благо, мама заметила быстро. Предотвратили, работали с психологом. Девочка была такая закрытая, переживала из-за отца, отец был лучший друг, а с мамой были ссоры. Она психологу призналась, на какую дату договорились (с.).

Следствие сложившейся ситуации и появление поведенческих проблем у части детей участников СВО — конфликтности, агрессивности, сниже-

ния успеваемости: Конечно, были такие ситуации, когда отец все решал в семье, а тут ушел по контракту, мальчик перестал слушать маму (с.). Даже если отец старается выполнять свои родительские функции на расстоянии: Поддерживает связь, идет обмен информацией, его контроль учебы/спорта детей, желание принять «мужское решение» по возвращении» (ж.), — внутрисемейная коммуникация нарушается по объективным причинам, контакты ребенка с отцом редкие и ограниченные.

Основные причины психоэмоциональных и поведенческих проблем у детей обусловлены переживаниями разлуки, тем, что дети скучают по отцам, но трудности появляются и после их возвращения. Некоторые дети успели отвыкнуть от отца, процесс взаимной адаптации также осложнен из-за психологического состояния и изменившегося поведения отца после возвращения:

В целом возвращение очень тяжело многие переживают. Им стало сложнее понимать друг друга. У меня на консультациях почти десятков семей, в которых у детей проблема. Именно вопрос в адаптации. Ты 1–2 года отсутствовал, вам нужно заново свыкаться, это тяжело для ребенка (с.).

Дочь сначала боялась и дичилась после возвращения» (м.).

У нее отчужденность некая... нет осознания, кто я, что я (м.).

Реакция отчуждения от отсутствующего отца, которая проявлялась у некоторых подростков, может быть объяснена возрастным кризисом, сложностями процесса поиска личностной идентичности. Непростые вопросы личностного самоопределения, встающие перед подростками в этот период, дополнены вопросом о влиянии на них статуса ребенка из семьи участника СВО. Кроме того, дети сталкивались не только с поддерживающим отношением со стороны окружающих, но и с проявлениями буллинга.

Сын столкнулся с оскорблениями («папа — убийца») (ж.).

Дочь скрывала статус отца в новой школе (вероятно, из-за негативного опыта) (ж.).

Как подросток решает для себя этот вопрос, зависит в том числе от его отношений с отцом: чем эти отношения ближе, тем вероятнее идентификация с отцом.

У меня тоже разные случаи, кто-то патриотически относится, кто-то уходит в протест. В зависимости от того, какая связь изначальная у отца и детей (с.).

Имеют место не только переживания за отца, слова любви и поддержки, но и желание выразить эту поддержку делом:

Если подростковый возраст, то там уже иная картина. У меня там несколько семей, они очень патриотично и трепетно относятся к этому, даже сын учиться стал лучше, все грамоты, медали по возможности отсылают папе. Стимул появился. Второй в кадетское училище поступил. Третий тоже с военным чем-то связанный. Идет направленность такая, «папа там», нужно соответствовать (с.).

Информация о переживаемых детьми в семьях участников СВО проблемах показывает, что они, как их матери и отцы, испытывают значительные потребности в социальной поддержке:

- в стабильности и безопасности, сохранении привычного уклада жизни насколько возможно;
- эмоциональной поддержке, помощи в преодолении переживаний, связанных с отсутствием отца, тревоги, страхов;
- психологической помощи при возникновении поведенческих проблем, трудностей в учебе, психосоматических реакциях, в адаптации к изменившемуся поведению отца после возвращения;
- поддержании связи с отцом, возможности общения (звонки, письма);
- защите от буллинга, профилактике и реагировании на случаи травли в образовательных учреждениях;
- качественном совместном времяпрепровождении во время отпусков отца;
- кризисной помощи в случае гибели отца;
- реализации стремления быть похожим на отца, поддержке ценностей патриотизма и солидарности.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о комплексных изменениях в семьях участников СВО, затрагивающих ее структурно-динамические характеристики, порождающих проблемы и семейные кризисы, активизирующих потребности во внешней помощи и собственные ресурсы. Изменения касаются как отцовства, так и сопряженных с ним материнства, супружества, происходит трансформация функционирования всей семейной системы. Наблюдаются процессы *укрепления или реадaptации* в тех случаях, когда семьи успешно адаптируются к длительному отсутствию супруга и отца, жены мобилизуются, берут на себя новые роли, отношения укрепляются. Пережитые трудности, длительная разлука и расстояния способствуют перезагрузке в супружеских отношениях. Преобразования затрагивают отцовскую идентичность, возрастает роль главы семьи, защитника, происходит переоценка семейных ценностей. В семьях рождаются новые дети, способствующие усилению значимости родительства, придающие новые смыслы мирной жизни.

Вместе с тем нарастают процессы *дестабилизации семьи и ее распада*, связанные с эмоциональной нестабильностью вернувшихся с фронта мужчин, трудностями их реинтеграции в мирную жизнь. В семьях военнослужащих наблюдаются конфликты, семейное насилие, атомизация и обособление от жен, отчуждение от интересов повседневной жизни своих детей. Семьи сталкиваются с перегрузкой матерей, ухудшением коммуникации, психоэмоциональными и поведенческими проблемами у детей, связанными как с отсутствием отца, так и с его возвращением. Ключевыми семейными проблемами ветеранов и их семей выступают ухудшение физического и психологического здоровья (ранения, контузии, ПТСР, депрессии, аддикции), сложности семейной реинтеграции, дезадаптивные изменения в супружеских и детско-родительских отношениях.

Подводя итоги исследования, отметим, что в определении мер поддержки отцов — участников СВО, их жен и детей необходимо учитывать происходящие в семье кризисы на разных уровнях функционирования семейной системы:

- супружеских отношений (отдаление, обособление, отчуждение);
 - родительско-детских отношений (ослабление эмоциональных связей, нарушение коммуникаций, восприятие отца как «чужого», отчуждение, девиантные практики, авторитарные способы воспитания),
 - отношений семьи с обществом (трудности интеграции, адаптации к мирной жизни, преодоления барьеров в получении помощи, лечении и реабилитации, дефицит поддержки).
- Наблюдаются и личностные кризисы:
- у мужчин (отцов) — обусловленные *травматическим опытом* (переживание острого горя, депрессии, аддикции, отчуждение, апатия, гнев, агрессия), *идентификации и самопределаения* (переживания своего участия в военных действиях, ожидания героизации и идеализации своей роли, трудности принятия потерь, утрат), *трансформации отцовства* (переживание чувства вины за долгое отсутствие, синдром «потерянного» отца, дефициты выполнения отцовских функций, синдром отчуждения, отказ от родительской роли), *адаптации и интеграции в мирную жизнь* (трудности обретения новой профессии, получения образования, соответствия ожиданиям);
 - у женщин (жен) — *кризис разлуки* (эмоциональное напряжение, высокий уровень тревоги), *принятия новой роли* (главы семьи, ответственности за семью, выполнение несвойственных функций, реорганизация семейных ролей), *утраты в ситуации гибели мужа* (переживание острого горя, суицидальные мысли, отчуждение, потеря смысла жизни, девиантные практики), *совладания с трудностями*

- ми (переживания усталости, перегрузки, одиночества), *кризис воссоединения* (непонимание особенностей состояния мужа, недостаток терпения, чуткости, конфликты, «борьба за семейную власть»);
- у детей — *кризис адаптации к отсутствию отца* (проявления тревожности, страхов, невротической симптоматики, обострение заболеваний, переживание разлуки, поведенческие проблемы), *утраты и гибели отца* (переживание горя, суицидальные мысли), *принятия статуса члена семьи участника СВО* (протестное поведение, отвержение, буллинг).

Анализ полученных данных свидетельствует, что ответ на ключевой вопрос «Как справляются с семейными проблемами и кризисами семьи ветеранов и участников специальной военной операции?» во многом зависит от того, какие это семьи. Согласно результатам исследования, преодоление кризисов в значительной степени взаимосвязано с ресурсами семьи (материальными, жилищными, психологическими), адаптивностью, распределением власти и ответственности в семье, потенциалом жизнестойкости. Более успешны в преодолении кризисов и совладании с трудностями *ресурсные партнерские семьи*, для которых характерны взаимозаменяемые роли, солидарная модель родительства, взаимная поддержка и забота друг о друге. Эти семьи в большей степени отличает активная адаптация к трудной жизненной ситуации, проблемно-ориентированные копинг-стратегии, навыки в решении жизненных проблем, зрелая личностная позиция. Отличительная особенность справляющихся с кризисами семей — жизнестойкие способы совладания с трудностями жен военнослужащих (поддержание должного уровня жизни, организация быта, забота об эмоциональном состоянии детей и супруга, помощь другим женам военных). Менее успешны в совладании с кризисами, негативными последствиями отсутствия супруга и отца *ресурсные семьи традиционного типа*, ответственность в которых за материальное обеспечение, организацию жизни семьи, безопасность лежала на отце. Усугубляет ситуацию экономически зависимое положение женщины, отсутствие у нее работы, образования, профессиональной квалификации, а также преобладание эмоционального реагирования. Неуспешны семьи *низкоресурсные* (с дефицитами материальной обеспеченности, личностной зрелости родителей, социальной компетентности, семейной сплоченности), в которых женщины не могут совладать с кризисами, реализуя защитные стратегии погружения в неадаптивные практики (агрессивность, самообвинения, избегание общения, депрессия, игнорирование проблем и уход от их решения), девиантное поведение (употребление алкоголя, наркотиков, «вельселе» компании), разрыв отношений и развод с супругом.

Литература / References

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2023) «Ненужные» дети? Ценности родительства, права отцов и матерей в социокультурных установках россиян. *Социологические исследования*, 8: 101–111.

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2023) “Unwanted” Children? Values of Parenting, Rights of Fathers and Mothers in Sociocultural Attitudes of the Russians. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 8: 101–111 (in Russian).

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2024) Отношения с отцом как фактор вовлеченности в отцовство молодых мужчин в многодетных семьях. *Социологические исследования*, 11: 87–99.

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2024) Relationships with Fathers as a Factor of Fatherhood Involvement among Young Fathers in Multi-Child Families. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 11: 87–99 (in Russian).

Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Мальков Н.Р. (2022) Отцовство осужденных молодых мужчин в условиях заключения. *Социологические исследования*, 10: 117–127.

Bezrukova O.N., Samoylova V.A., Malkov N.R. (2022) Paternity of Young Convicted Fathers Going through Imprisonment, *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 10: 117–127 (in Russian).

Безрукова О.Н., Филимонов Р.М. (2025) Социальная поддержка отцов-участников специальной военной операции и их семей: проблемы и принципы сопровождения. *Общество. Среда. Развитие*, 4: 3–7.

Bezrukova O.N., Filimonov R.M. (2025) Social support for fathers participating in special military operations and their family members: problems and principles of support. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 4: 3–7 (in Russian).

Герасимова И.В., Курикалова А.А. (2023) Жизнестойкость и совладающее поведение жен военнослужащих — участников специальной военной операции. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 20(4): 50–55.

Gerasimova I.V., Kurikalova A.A. (2023) Hardiness and Coping Behavior of Wives of Servicemen Participating in the Special Military Operation. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East], 20(4): 50–55 (in Russian).

Горина Т.И. (2024) Специфические вызовы и проблемы семей участников СВО: результаты фокус-групповых дискуссий. *Теория и практика общественного развития*, 6: 38–50.

Gorina T.I. (2024) Specific Challenges and Problems of Families of Participants in the Special Military Operation: Results of Focus Group Discussions. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 6: 38–50 (in Russian).

Гудкова И.В. (2020) Психологические особенности членов семей (жен) военнослужащих, выполняющих боевые задачи за пределами границ Российской Федерации, с разным уровнем удовлетворённости браком. *Прикладная психология и педагогика*, 2: 183–199.

Gudkova I.V. (2020) Psychological Characteristics of Family Members (Wives) of Servicemen Performing Combat Missions Outside the Borders of the Russian Federation, with Different Levels of Marital Satisfaction. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika* [Applied Psychology and Pedagogy], 2: 183–199 (in Russian).

Зойя Л. (2013) *Отец: Исторический, психологический и культурологический анализ*. М.: Либроком.

Zoya L. (2013) *Otets: Istoricheskiy, psikhologicheskiy i kul'turologicheskiy analiz* [The Father: Historical, Psychological and Cultural Analysis]. Moscow: Librokom Publ. (in Russian).

Зуйкова А.А., Потемина Т.Е., Погодина Т.Г. (2013) Особенности комплексной реабилитации стрессогенных расстройств у членов семей ветеранов боевых действий. *Медицинский альманах*, 2: 148–150.

Zuykova A.A., Potemina T.E., Pogodina T.G. (2013) Features of Comprehensive Rehabilitation of Stress-Related Disorders among Family Members of Combat Veterans. *Meditinskiy al'manakh* [Medical Almanac], 2: 148–150 (in Russian).

Караяни А.Г. (2024) Боевой стресс: проблемы определения и классификации. *Вестник Московского университета МВД России*, 1: 254–264.

Karayani A.G. (2024) Combat Stress: Problems of Definition and Classification. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1: 254–264 (in Russian).

Мальшев А.Г. (2022) Инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 177–207.

Malyshev A.G. (2022) Infrastructure for Supporting Involved Fatherhood. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4): 177–207 (in Russian).

Матвеева Н.В. (2025) Методология и практика психологической поддержки мобилизованных граждан и их семей: принципы, направления, технологии. *Тихоокеанский вестник психологии*, 1: 77–83.

Matveeva N.V. (2025) Methodology and Practice of Psychological Support for Mobilized Citizens and Their Families: Principles, Directions, Technologies. *Tikhookeanskiy vestnik psikhologii* [Pacific Bulletin of Psychology], 1: 77–83 (in Russian).

Пермогорская Е.М., Падун М.А. (2011) Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД — участников контртеррористических операций на Северном Кавказе. *Психологические исследования: электрон. науч. журнал*, 3(17): 1–16. [<http://psystudy.ru/num/2011n3-17/489-permogorskaya-padun17>] (дата обращения: 15.10.2025).

Permogorskaya E.M., Padun M.A. (2011) Post-Traumatic Stress and Family Relations among Internal Affairs Officers Who Participated in Counterterrorist Operations in the North Caucasus. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurnal* [Psychological Studies: Electronic Scientific Journal], 3(17): 1–16. [<http://psystudy.ru/num/2011n3-17/489-permogorskaya-padun17>] (accessed 15 October 2025) (in Russian).

Рождественская Е.Ю. (2020) Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 155–185.

Rozhdestvenskaya E.Yu. (2020) Involved Fatherhood, Caring Masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 155–185 (in Russian).

Склянюк В.В. (2020) Адаптации участников боевых действий к мирной жизни. *Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*, 2: 243–251.

Sklyanko V.V. (2020) Adaptation of Combatants to Peaceful Life. *Vestnik Luganskoy akademii vnutrennikh del imeni E.A. Didorenko* [Bulletin of the E.A. Didenko Lugansk Academy of Internal Affairs], 2: 243–251 (in Russian).

Хабибулин Д.А., Селезнева В.В., Хабибулин Д.Д. (2025) Психологическая помощь детям ветеранов и участников специальной военной операции. *Проблемы современного психологического образования*, 87(1): 402–404.

Khabibulin D.A., Selezneva V.V., Khabibulin D.D. (2025) Psychological Assistance to Children of Veterans and Participants in the Special Military Operation. *Problemy sovremennoy psikhologicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Psychological Education], 87(1): 402–404 (in Russian).

Шевченко И.О. (2015) Ситуация после развода: отцы и дети. *Социологические исследования*, 3(371): 70–77.

Shevchenko I.O. (2015) The Post-Divorce Situation: Fathers and Children. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 3(371): 70–77 (in Russian).

Янак А.Л. (2022) Факторная модель отцовской вовлеченности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 140–176.

Yanak A.L. (2022) A Factor Model of Paternal Involvement. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4): 140–176 (in Russian).

Creech S., Misca G. (2017) Parenting with PTSD: A review of Research on the Influence of PTSD on Parent-Child Functioning in Military and Veteran Families. *Frontiers in Psychology*, 8(1001), 1–8.

Danish S.J., Antonides B.J. (2013) The challenges of reintegration for service members and their families. *American Journal of Orthopsychiatry*, 83(4): 550–558.

Dodge J. et al. (2025) Programs to Address Violence for Military Families: a Systematic Review. *Journal of Family Violence*, 40: 383–399.

Doucet A. (2020) Father Involvement, Care and breadwinning: Genealogies of concepts and revised conceptual narratives. *Genealogy*, 4(1): 1–17.

Elnitsky C.A., Kilmer R.P. (2017) Facilitating Reintegration for Military Service Personnel, Veterans, and Their Families: An Introduction to the Special Issue. *American Journal of Orthopsychiatry*, 87(2): 109–113.

Fagan J., Palkovitz R. (2007) Unmarried, Nonresident Fathers' Involvement with their Infants: A Risk and Resilience Perspective. *Journal of Family Psychology*, 21(3): 479–489.

Hill R.L. (1949) *Families Under Stress: Adjustment to the Crises of War Separation and Reunion*. New York: Harper and Brothers.

Lamb M. (2000) The History of Research on Father Involvement. *Marriage & Family Review*, 29(2–3): 23–42.

Paley B., Lester P., Mogil C. (2013) Family Systems and Ecological Perspective on the Impact of Deployment on Military Families. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 16(3): 245–265.

Pleck J. (1997) Paternal involvement: Levels, Sources, and Consequences. In: Lamb M.E. (ed.) *The role of the father in child development*. New York: John Wiley and Sons: 66–103.

Suarez C., Baines E. (2021) «Together at the Heart»: Familial Relations and the Social Reintegration of Ex-combatants. *International Peacekeeping*, 29(1): 1–23.

Walsh T.B., Dayton C.J., Erwin M.S., Muzik M., Busuito A., Rosenblum K.L. (2014) Fathering after military deployment: parenting challenges and goals of fathers of young children. *Health and Social Work*, 39(1): 35–44.

Источники

Минобороны РФ: более половины мобилизованных россиян женаты и имеют детей. Lenta.ru. [<https://lenta.ru/news/2023/12/27/minoborony-raskrylo-statistiku-po-mobilizovannym-rossiyanam-bylo-prizvano-bolshe-300-tysyach-muzhchin/>] (дата обращения: 25.10.2025 г.)

HOW FAMILIES OF VETERANS AND PARTICIPANTS IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION COPE WITH FAMILY PROBLEMS AND CRISES

Olga Bezrukova (o.bezrukova@spbu.ru),
Valentina Samoylova,
Ruslan Filimonov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Bezrukova O., Samoylova V., Filimonov R. (2026) How families of veterans and participants in the Special Military Operation cope with family problems and crises. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 92–117 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.4> EDN: CRVAYG

Abstract. This article analyzes the impact of fathers' participation in the Special Military Operation (SMO) on the structural and dynamic characteristics of families, the family problems and crises experienced by their members, resources for adaptation to a new life situation, and families' needs for social support. The qualitative study sample included

The qualitative study sample included 47 families: 27 young men who participated in in the Special Military Operation and had families and children, 20 mothers from these families 20 women whose husbands are members of the SMO, and 45 social curators who accompanied the families of fathers who participated in the Special Military Operation at Social Service Centers and Social Assistance Centers for families and children in St. Petersburg. The authors pointed out transformations in the functioning of the family system, as well as marriage, fatherhood, and motherhood in the families of SMO participants: positive (processes of re-adaptation and strengthening), negative (destabilization and disintegration). Based on the degree of adaptation, the degree of parental involvement, available resources, strategies for coping with stress associated with participation in military operations, and the specific distribution of responsibilities in marital and parental roles, fathers were distinguished as successfully adapting, uncertain, and maladapted. We described the syndromes of “lost father” (aggression, deviant practices) and “alienation” (indifference to loved ones, isolation). The authors structured the issues and needs for support of all family members. We analyzed the crises at different levels of family system functioning: marital relations, parent-child relations, family relations with society, as well as personal crises of fathers, mothers, and children. We explain that crisis resolution correlates with family resources, adaptability, the distribution of power and responsibility within the family, as well as resilience. Resource partner families with interchangeable roles, problem-focused coping strategies, a mature personal stance, and resilient behavior patterns of the wives are more efficient in overcoming crises. Traditional resource families, in which responsibility for the material support and organization of the family lies with the father, are less efficient, as are families with economic dependence, lack of employment, education, or professional qualifications, and a predominance of emotionally focused and defensive coping strategies. Families with low resources and deficits in material security, personal maturity of parents, social competence, and family cohesion are unsuccessful.

Keywords: special military operation (SMO), social support, SMO participants, family crisis, fathers, children of veterans and participants of the SMO, wives of veterans and participants of the SMO, military families, fatherhood.

Acknowledgements

This article was prepared within research project No. 23-18-00770 of the Russian Science Foundation (RSF), <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.